

УДК 82

**РАННЕЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВО: ПРОБЛЕМА НИЖНЕЙ
ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ**

© 2009 г.

М.М. Рябий

Югорский государственный университет г. Ханты-Мансийск

igr-mmr@mail.ru

Поступила в редакцию 17.12.2008

Подвергается сомнению утвердившееся в науке представление о том, что началом славянофильского движения является зима 1838/39 гг. Обращаясь к истокам зарождения славянофильства, его философским и социальным корням, автор показывает, что увлечение русского общества немецкой философией сыграло решающую роль в формировании интереса к национальному самосознанию. Эта проблема особенно волновала писателей–декабристов и любомудров. Идеи любомудров до 1825 года автор статьи называет предславянофильскими, доказывая существование славянофильства уже в 1830-е годы.

Ключевые слова: славянофильство, предславянофильство, архивные юноши, любомудры, национальное самосознание.

Вопрос о хронологических рамках славянофильства и в том числе о верхней его границе в современной науке ставился уже не однажды, но до конца, на наш взгляд, не решен¹. Впервые о времени возникновения славянофильства высказался в 1900 году П.Н. Милюков, относя его зарождение к первой половине 1820-х годов. Мнение Милюкова оспорил В.З. Завитневич, указывая на 1845 год – время разрыва между западниками и славянофилами. И, наконец, в 1941 году С.С. Дмитриев создал свою периодизацию, в которой назвал свою дату рождения славянофильского кружка и славянофильства как направления: зима 1838/39 гг. По его мнению, ранее этой даты нет оснований говорить о славянофильстве: «Его еще не было как системы определенных взглядов» [1, с. 57–58]. До сих пор в современной науке никто не оспаривал это утверждение. Согласен с ней и автор монографии о славянофилах Н.И. Цимбаев [1, с. 86], хотя сам принцип периодизации Дмитриева, его не устраивает, как и Н.А. Цаголова [1, с. 86].

Решение вопроса о возникновении славянофильства затрудняется еще и терминологической расплывчатостью, это отмечает в первой главе своей монографии Н.И. Цимбаев. Исследуя семантическую эволюцию слов «славянофил», «славянофильство», он выделил не менее четырех научных полноценных значений, каждое из которых отражало реальное явление общественно-литературной жизни России XIX – начала XX в. (славянофилы-шишковисты; славянофилы – противники карамзинистов; славя-

нофилы как славянолюбы; славянофилы как московская партия, ставшая в оппозицию западникам). Нам ближе последнее значение, хотя, по признанию самого исследователя, «новое устойчивое терминологическое понимание слова «славянофил» не уничтожило его старых значений, что осложняло восприятие истинного славянофильства» [1, с. 23]. К этому можно добавить, что некое противостояние сторонников западного пути развития России и самобытного можно обнаружить уже в XVIII веке. Таких примеров немало: петербургское западничество и деятельность царевича Алексея с его сторонниками, приход Елизаветы Петровны к власти как протест против «бироновщины», реакция М.В. Ломоносова на иностранное засилье в Академии наук. Но все эти примеры нельзя ни отнести к славянофильству, ни соединить со славянофильским учением.

Социальными корнями славянофильства стали такие явления русской жизни, как Отечественная война 1812 года, обострившая патристические чувства. Однако для создания славянофильского учения нужна была научная теория. А любое учение не рождается в одночасье. К 1839 году система взглядов славянофилов была в основном сложена и сформулирована, но сам процесс вызревания основных положений, славянофильских идей шел не менее двух десятилетий.

На формирование славянофильского учения огромное влияние оказало увлечение архивных юношей немецкой философией. До них труды Шеллинга изучались образованным офицерст-

вом во время заграничной военной кампании 1813–1815 годов. «Еще во время утомительных походов французской войны, – вспоминал впоследствии декабрист Г.С. Батеньков, – нас трое – Елагин, я и некто Паскевич – вздумали пересадить Шеллинга на русскую почву, и в юношеских умах наших идеи его слились с нашим товарищеским юмором. Мы стали изъясняться в новых отвлечениях легко и приятно» [2, с. 60].

Во второй половине 1820-х в России стал выходить уже третий по счету «шеллингианский» журнал после «Мнемозины» и «Атенея». О его возникновении П.А. Вяземский писал: «Погодин и вся университетская молодежь, воспитанная на немецком пиве Шеллинга, будет будущий год издавать «Московский Вестник» [3, с. 46].

Георгий Флоровский в исследовании «Пути русского богословия» охарактеризовал этот период таким образом: «<...> Русская мысль пробудилась над немецким идеализмом. <...> Очень немногое из тогдашнего брожения окристаллизировалось в литературных формах. И, однако, совершилось самое важное – мысль пробудилась... Эта была духовная прививка, оплодотворившая все русское культурное творчество, и надолго. Это было философское воспитание духа. Отсюда именно эта тончайшая пронизанность всей почти русской литературы и всего искусства вообще философской проблематикой и беспокойством...» [4, с. 236].

Шеллингианство, а позже и гегельянство поставили перед русским обществом вопросы о роли народа и отечества. Шеллинг предпринял попытку создать такое цельное мировоззрение, в котором должно было сфокусироваться движение человечества к прогрессу, учитывая прошлое, настоящее народов. Это более всего привлекало в его учении русских последователей. Изучение немецкой философии подтолкнуло к осмыслению соотношения национального и общечеловеческого, вело к размышлению об историческом предназначении русского народа, давало понимание необходимости изучения прошлого для прогнозирования будущего.

Интерес к проблеме национального самосознания, проявившийся во время Отечественной войны 1812–1813 годов, не ослабевает и в 1820-е годы. Идеи народности, как и идея личности, в центре духовных исканий русской литературы данного периода. Необходимость создания самобытной литературы, философии, отвечающей запросам русского общества, обсуждается многими общественными и культурными деятелями, писателями. Самыми большими энтузиастами в изучении философии, и немецкой в частности, были выпускники Московского университета, названные любомудрами². Проблема самобытности интересует и писателей-декабристов, в частности К.Ф. Рылеева и В.К. Кюхельбекера.

Кондратий Рылеев пишет в первом (неопубликованном) предисловии к своим «Думам»: «Обязанность каждого писателя – быть для соотечественников полезным.<...> Цель моя та же самая – то есть распространить между простым народом нашим, посредством дум сих, хотя некоторые познания о знаменитых деяниях предков. Заставить его гордиться славным своим происхождением и еще более любить родину свою. Счастливым почту себя, когда хотя несколько успею в своем предмете; еще счастливейшим, когда люди благомыслящие одобряют мое намерение – пролить в народ наш хоть каплю света» [5, с. 418–419].

О выборе писательского пути задумывался и двадцатилетний И.В. Киреевский. После своего знакомства в Москве с вернувшимся из ссылки А.С. Пушкиным он писал своему товарищу-любомудру А.И. Кошелеву: «Не думай, однако же, чтобы я забыл, что я русский, и не считал себя обязательным действовать для блага своего отечества. Нет! Все силы мои посвящены ему. Но мне кажется, что вне службы я могу быть ему полезнее, нежели употребляя все время на службу. Я могу быть литератором, а содействовать к просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему сделать? На этом поприще мои действия не будут бесполезны... Мы возвратим права истинной религии, изящное согласим с нравственностью, возбудим любовь к правде, глупый либерализм заменим уважением законов и чистоту жизни возвысим над чистотою слога» [6, с. 288–289].

Подобные признания не раз высказывали и декабристы, и любомудры. Из их слов можно сделать даже вывод, что политические платформы и эстетические взгляды тех и других во многом совпадают³. Все дело заключалось только в том, «каплю» какого света хотел «пролить» Рылеев?

Если Киреевский собирался заменить «глупый либерализм» «уважением законов», то Рылеев – «распространить между простым народом нашим <...> некоторые познания о знаменитых деяниях предков», в том числе идеи «русской вольницы», такой «вольницы», которая как раз и не имела «уважения к законам». Кое-какие примеры вольнолюбия из русской истории Рылеев приводит в думах, то обличая княжескую власть в лице князя Игоря Рюриковича («Ольга при могиле Игоря»), то делая «ти-

тами в изучении философии, и немецкой в частности, были выпускники Московского университета, названные любомудрами². Проблема самобытности интересует и писателей-декабристов, в частности К.Ф. Рылеева и В.К. Кюхельбекера.

раном» и «губителем» князя Владимира («Рогнеда»), то сочувствуя «царевницей» Борису Годунову («Борис Годунов»).

Любомудры, в отличие от декабристов не занимались революционной пропагандой, считая, что напоминание о гражданских добродетелях должно не столько пробудить желание возвратить золотое время новгородских народных собраний, сколько дать повод к размышлению о собственной роли в обществе, а затем уже к его бескровному реформированию. И здесь можно упомянуть стихотворение «Новгород» (1826) Д.В. Веневитинова, в котором поэт в современном Новгороде, «отчизне славы и торговли», пытается отыскать черты былой славы:

Ответствуй, город величавый:
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич врагов,
Звуча здесь медью в бурном вече,
К суду или кровавой сече,
Как глас отца сзывал сынов?
Когда твой меч, гроза соседа,
Карал и рыцарей и шведа,
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой?
Скажи, где эти времена?
Они далеко, ах, далеко!

[7, с. 80–81].

Соблюдение гражданских законов для любомудров подразумевало в первую очередь неприкосновенность законов нравственных, законов красоты. Для любомудров намного важнее было нравственное перерождение общества, поэтому почти каждый из них служение Отечеству связывал с интеллектуальным трудом. Небывалая юношеская серьезность и сдержанность любомудров объясняются тем, что они видели истинное призвание и высшую ценность человеческого бытия в напряженной духовной жизни, в глубоком движении мысли, в познании природы. Все, что могло нарушить это состояние, представало в их глазах как нечто недостойное и мелкое... [8, с. 85]. Их отличали от предшествующего поколения избираемые ими жизненные дороги. Если подавляющее большинство декабристов были военными, офицерами, то почти все любомудры оказались на своего рода пересечении ученой и дипломатической деятельности. Каждый второй поступил на службу в московский архив Коллегии. По этому поводу В.В. Кожин точно заметил: «Поколение декабристов немислимо без реального опыта Отечественной войны, включая заграничные походы. Этот опыт дал, помимо прочего, уверенность в том, что можно энер-

гичным волевым усилием преобразовать мир – как преобразовали его русские полки, разрушившие Наполеоновскую империю. Почти все основоположники декабристских организаций были участниками или, вернее, героями великой войны...» [8, с. 80].

Таким образом, произошло замечательное по наглядности расхождение путей двух поколений. Декабристы готовились выйти на площадь, чтобы делать историю, а любомудры шли в архив Коллегии иностранных дел, чтобы понять историю: «Декабристы действовали, а любомудры стремились стать орудием «самопознания народа...» [8, с. 86].

Однако временные сближения между декабристами и любомудрами все-таки необходимо отметить, особенно это относится к 1825 году, когда в обществе кипели политические страсти. Об этом времени вспоминает один из современников любомудров: «...очень положительно и ясно сохранились в моей памяти жалобы на слабость императора Александра I в его отношениях к Меттерниху и Аракчееву. И старики, и люди зрелого возраста, и в особенности, молодежь – словом чуть-чуть не все беспрестанно и без умолка осуждали действия правительства, и одни опасались революции, а другие пламенно ее желали и на нее полагали все надежды. Неудовольствие было сильное и всеобщее» [9, с. 51].

Документом, подтверждающим близость любомудров и декабристов в некоторых вопросах внутренней политики России, является воспоминание А.И. Кошелева: «Никогда не забуду одного вечера, проведенного мною, 18-летним юношею, у внучатного моего брата Мих. Мих. Нарышкина; это было в феврале или марте 1825 года. На этом вечере были: Рылеев, кн. Оболенский, Пущин и некоторые другие, впоследствии сосланные в Сибирь. Рылеев читал свои патриотические думы; а все свободно говорили о необходимости — *d'en finir avec ce gouvernement* (покончить с этим правительством (фр.)). Этот вечер произвел на меня самое сильное впечатление; и я, на другой же день утром, сообщил все слышанное Ив. Киреевскому, и с ним вместе мы отправились к Дм. Веневитинову, у которого жил тогда Рожалин, только что окончивший университетский курс со степенью кандидата. Много мы в этот день толковали о политике и о том, что необходимо произвести в России перемену правления. Вследствие этого мы с особенною жадностью налегли на сочинения Бенжамена Констана, Рое-Коллара и других французских политических писателей; и на время немецкая философия сошла у нас с первого плана» [9, с. 51–52].

Занятия философией лишь на некоторое время заслонил интересы к политике. Их (любомудров) выбор пути для России никак нельзя объяснить чередой случайных обстоятельств. Поиски национального своеобразия, русского пути постепенно вели любомудров к дилемме «Восток – Запад», однако важно и то, что славянофильские идеи вызревали в недрах общества любомудров. Об этом также свидетельствуют записки Кошелева – участника кружка московских любомудров, а затем посетителя салона Елагиных, близкого друга, единомышленника братьев Киреевских и Хомякова. Рассказывая о середине 1830-х, он подчеркивает: «В Москве мы мало ездили в так называемый *grand monde* (большой свет (фр.). – М.Р.) – на балы и вечера; а преимущественно проводили время с добрыми приятелями Киреевскими, Елагиными, Хомяковыми, Свербеевыми, Шевыревым, Погодиным, Баратынским и пр. По вечерам постоянно три раза в неделю мы собирались у Елагиных, Свербеевых, у нас; и сверх того довольно часто съезжались у других наших приятелей. Беседы наши были самые оживленные; тут выказались первые начатки борьбы между нарождавшимся русским направлением и господствовавшим тогда западничеством. Почти единственным представителем первого был Хомяков, ибо и Киреевский, и я, и многие другие еще принадлежали к последнему... Споры наши продолжались далеко за полночь, и мы расходились по большей части друг другом недовольные, но о разрыве между двумя этими направлениями еще не было и речи» [9, с. 77–78].

Эту же мысль о наличии в 1830-е годы двух лагерей: славянофилов и западников – высказывает и современный исследователь Ю.В. Стенник. Обращая внимание на спор П.Я. Чаадаева с А.С. Пушкиным, он пишет: «В сущности, водораздел в русском общественном сознании, обозначивший контуры будущего размежевания идейных лагерей – западников и славянофилов – наметился уже в 1830-е годы в этом споре, в знаменитом письме поэта от 19 ноября 1836 г., написанном по поводу опубликованного в «Телескопе» 1-го письма Чаадаева» [10, с. 10].

Другим подтверждением существования раннего славянофильства можно назвать и высказывание Л.Г. Фризмана, переиздавшего в 1989 году журнал И.В. Киреевского «Европеец» (1832). В предисловии к нему он пишет: «В кругу литераторов, сотрудничавших в «Европейце», голос будущего славянофильства слышался внятно» [11, с. 456].

Уже в начале 1832-го Иван Киреевский в статье «Горе от ума» – на московском театре»

(за эту рецензию и за статью «Девятнадцатый век» был закрыт журнал «Европеец») объяснял читателям славянофильскую позицию сотрудников издания: «Нам нечего бояться утратить своей национальности: наша религия, наши исторические воспоминания, наше географическое положение, вся совокупность нашего быта столь отличны от остальной Европы, что нам физически невозможно сделаться ни французами, ни англичанами, ни немцами. Но до сих пор национальность наша была национальностью необразованная, грубая, китайски-неподвижная. Просветить ее, возвысить, дать ей жизнь и силу развития, – может только влияние чужеземное; и как до сих пор все просвещение наше заимствовано извне, так только извне можем мы заимствовать его и теперь и до тех пор, покуда поравняемся с остальной Европой. Там, где общеевропейское совпадает с нашею особенностью, там рождается просвещение истинно русское, образованно-национальное, твердое, живое, глубокое и богатое благодетельными последствиями. Вот отчего наша любовь к иностранному может иногда казаться смешною, но никогда не должна возбуждать негодования; ибо более или менее, посредственно или непосредственно, она всегда ведет за собой просвещение и успех и в самых заблуждениях своих не столько вредна, сколько полезна» [6, с. 97].

От просветительских идей и от любви к Западу И.В. Киреевский не откажется и в 1840-е годы. В 1839 году в знаменитом письме «Ответ Хомякову», которое считается одним из документов, положивших начало размежеванию между западниками и славянофилами, Киреевский, обвинив Запад в рационализме и вытекающих из него грехах, признается: «Я совсем не имею намерения писать сатиру на Запад; никто больше меня не ценит тех удобств жизни общественной и частной, которые произошли от того же самого рационализма. Да, если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привычками...» [6, с. 120]. Рассматривая эволюцию любомудров в сторону славянофильства, необходимо отказаться от мнения, что существовало «два Киреевских»⁴ – западник и славянофил, что Дмитрий Веневитинов никогда не высказывал идей, из которых потом развилось славянофильское учение⁵, что Алексей Хомяков и собиратель духовных стихов и песен Петр Киреевский были одиозными фигурами, которые не стоит брать в расчет.

Таким образом, напрашивается вывод: раннее славянофильство существовало уже в 1820–1830-е годы, оно возникло в среде московской молодежи (архивных юношей), увлекавшейся немецкой классической философией, часть из которых составила ядро общества Любомудрия. Нижняя хронологическая граница славянофильства в связи с этим должна быть пересмотрена: вполне допустимо, что его начало можно отнести к 1832 году – году издания журнала И.В. Киреевского «Европеец».

Примечания

1. Вопрос о хронологических границах славянофильства был рассмотрен в трудах Милюкова П.Н. Славянофильство // Энциклопедический словарь Брокгауза. СПб., 1900. Т. 30. С. 308); Завитневича В.З. Русские славянофилы и их значение в деле уяснения идей народности и самобытности. Киев, 1915, С. 24; Дмитриева С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. С. 87; Цимбаева Н.И. Славянофильство // Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 274 с.

2. Термин «любомудры» был изобретен членами литературно-философского кружка в Москве (1823–1825), объединившего несколько человек для занятий философией и литературой. По свидетельству А.И. Кошелева, в него входило пять человек: «кн. В. Одоевский, И.В. Киреевский, Дм. Веневитинов, Рожалин и я» (Кошелев А.И. Записки. М.: МГУ, 1991. С. 51.). М.П. Погодин называет другую цифру – семь: «Первые сборища эти были на квартире у кн. Черкасского, Петра Дмитриевича... он жил вместе с Александром Сергеевичем Норовым (братом бывшего министра) переводчиком Тартюфа... Там беседы и споры о философии длились всю ночь, вплоть до утра. За отъездом Черкасского общество собиралось у Одоевского – он, Дмитрий Веневитинов, Киреевский, Рожалин, Кошелев, всего семь человек» (М.П. Погодин Воспоминание о Веневитинове. Неопубликов. рукопись. Рукоп. отд. Публ. библ. СССР им. Ленина. Шифр 3508). Ю.В. Манн кроме пяти кошелевских называет В.П. Титова, С.П. Шевырёва, Н.А. Мельгунова, М.П. Погодина. (Манн Ю.В. «Общество Любомудрия» // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 678).

3. Исследователи не обошли вниманием отношение Любомудров к событиям 14 декабря 1825 года. Высказывались версии о тайных связях отдельных членов кружка Любомудров с декабристами (Маймин Е.А. Русская философская поэзия. М.: Наука, 1976. С. 7–11). Однако кроме сочувствия к самим членам тайных обществ, с некоторыми из которых Любомудры были связаны родством, никаких серьезных идеологических взаимоотношений между ними не обнаружено.

4. М.О. Гершензон в исследовании об И.В. Киреевском подчеркивал: «В любой биографии Киреев-

ского можно найти указания на то, как это чувство национального пристрастия окрепло в нем, начиная с середины 30-х годов, под влиянием Хомякова, и особенно брата Петра... Его мысль естественно облеклась в форму шеллингистской схемы... Он слил в одну систему ряд утверждений, различных по существу и подлежащих различной проверке: идею, веру и утверждение о фактах, и тем затемнил то, что было для него в ней наиболее существенного, – самую свою идею. Именно эта ошибка сделала Киреевского одним из самых влиятельных русских мыслителей: она сделала его отцом славянофильства» (Гершензон М.О. Грибоедовская Москва; П.Я. Чаадаев; Очерки прошлого. М.: Московский рабочий, 1989. С. 310–311).

5. О предславянофильстве Веневитинова свидетельствуют его высказывания: например, в статье «О состоянии просвещения в России», размышляя о том, как встать русскому народу на собственный путь развития, он пишет: «Для сей цели надлежало бы некоторым образом устранить Россию от нынешнего движения народов, закрыть от взоров ее все мало-важные происшествия в литературном мире, бесполезно развлекающие ее внимание, и, опираясь на твердые начала новейшей философии, представить ей полную картину развития ума человеческого, картину, в которой бы она увидела свое собственное предназначение» (Веневитинов Д.В. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1982. С. 138–139).

Список литературы

1. Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 274 с.
2. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов: В 2 т. / Общ. ред. Ю.Г. Оксмана, С.Н. Чернова. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. Т. 2. 544 с.
3. Письмо П.А. Вяземского А.И. Тургеневу от 20.11.1826 года. // Архив братьев Тургеневых: Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. СПб.: Отделение Русского языка и словесности Имп. Ак. Наук, 1911–1921. Вып. 6. Т.3. 1814–1833 / Под ред. Н.К. Кульмана. Пг., 1921. [4], 542 с.
4. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 599 с.
5. Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Л., Лен. отд.: Советский писатель, 1971. 480 с.
6. Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.
7. Веневитинов Д.В. Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1982. 173 с.
8. Кожин В.В. Тютчев. М.: Молодая гвардия, 1988. 495 с.
9. Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. I. Записки А.И. Кошелева. М.: Изд-во МГУ, 1991. 236 с.
10. Стенник Ю.В. Об истоках славянофильства в русской литературе XVIII века. // Славянофильство и современность: Сборник статей. СПб.: Наука, 1994. С. 5–22.
11. «Европеец». Журнал И.В. Киреевского. 1832. / Изд. подгот. Л.Г. Фризман. М.: Наука, 1989. 536 с.

**EARLY SLAVOPHILISM: THE PROBLEM OF THE LOWER
CHRONOLOGICAL BORDER**

M.M. Ryabiy

The author questions the idea firmly established in the academic circles that Slavophilism originated during the winter of 1838-1839 and looks at the early origins of Slavophilism, its philosophical and social roots. In the author's opinion, it was the fascination of the Russian society with German philosophy that has played the decisive role in shaping the interest to national consciousness. This problem caused particular concern of Decembrist writers and philosophers. The author considers that many ideas of Russian philosophers before 1825 were pre-Slavophilic, which proves the existence of Slavophilism already in 1830s. Thus, there is a need to revise the lower historical border of Slavophilism.

Keywords: Slavophilism, pre-Slavophilism, archivists, philosophers, national consciousness.